А. Ф. Рогалев

Географические названия в калейдоскопе времен

Гомель
Барк
2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Имя *Белая Русь* в контексте этнополитической истории Русской земли 9
Барановичи. Баранцы. Бараново. Барань 25
Белорусские городки 31
Березина-Днепровская. Берёза-Картузская 37
Берестье – «город в вязовом лесу» 43
Борисов. Князь-камень. Князь-озеро. Князево. Бояры 46
Браслав 56
Буда-Кошелёво 58
Быхов 60
Волжские булгары и Белая Русь 61
Волохи на землях Беларуси 64
Город Гома 66
Гридни. Вербовичи. Наровля. Топонимия «раненой» земли 71
Двина 86
Докшицы 89
Дрогичин 91
Заклятая река 95
Ивье. Ивенец. Вилия. Вилейка 99
Исторический Лукомль и сказочное лукоморье 103
Кореличи. Мир. Великая Обрина. Радунь 108
Корма. Храбра. Кораблище 113
«Кремлевые» деревни 119
Круглое. Тетерин. Друцк. Друя. Друйск 124
Крутогорье – Койданово – Дзержинск 128
Лида и Нача: исторические параллели 130
Логойск. Логоза. Гайна 132

Марьина Горка 135
Мёры – Миоры 139
Минск 142
Могилёв – «возвышенный» 145
Молодечно 149
Мядель и окрестные деревни 151
Неман и Лоша 155
Несвиж. Лань. Уша. Узда 159
Петриков. Припять. Птич 163
Пинск. Пина 171
Поставы 173
Потомки черкасов 175
Пропойск – Славгород 179
Пружаны 182
Прусы. Прусовка. Прусовичи 184
Свирь 188
Свислочь. Ислочь 190
Свитязь 193
Святая криница 197
Сказочная страна Ирей 201
«Скочил волком на Немигу с дудуток» 205
Скрыгаловское предание 210
Слоним 214
Сож – Нерея 215
Старые Дороги, Любань и их окрестности 220
Столин – город стольный? 225
Тур и «Туров город» 227
Чашники. Чашин. Чаша. Чашковщина 233
Червень – Игумен 235
Чечерск. Чечёра 238
Шклов 242

Заключение 244

Что еще почитать? 252

Наш язык – это также наша история.

Якоб Гримм

Подавайте ж потомъкам, что маете з предъков!

Андрей Римша,
белорусский поэт и переводчик XVI века

ПРЕДИСЛОВИЕ

В языке любого народа, как в своеобразном хранилище, не просто заключено культурное богатство, в нем переплетаются все возможные и мыслимые пласты бытия. Язык подобен археологическому раскопу, в котором есть напластования, культурные слои разных эпох, следы жизни наших предков, их мировоззрения и мировосприятия. Вот почему языковые данные используются для изучения этнической и политической истории, для реконструкции былых представлений и реалий.

Среди тех языковых фактов, которые в наибольшей степени обусловлены историей народа и его этнической психологией, важное место занимают имена собственные. В словарном составе языка они образуют большой класс слов, противопоставленный именам нарицательным. В обыденном сознании имена собственные отличаются от имен нарицательных только тем, что первые мы пишем с заглавной буквы, а вторые – со строчной. Но эта зримая разница не является единственной и самой главной.

Нарицательное имя служит для наименования как конкретного предмета, так и целого класса, к которому данный предмет относится.

Например, слово *дом* можно понимать как обозначение дома, в котором мы живем, а также дома вообще, любого жилого, административного или производственного здания, строения. Нарицательное слово является таким наименованием, которое обобщает и классифицирует, то есть соотносит именуемое с классом, за которым закреплено соответствующее понятие.

В отличие от имен нарицательных имена собственные не объединяют, а, наоборот, разъединяют однородные объекты, индивидуализируют, то есть обозначают не класс, а единичный, индивидуальный, конкретный предмет или объект, конкретное лицо. Собственное имя как знак отдельного предмета, объекта, лица не связано с понятием. Если же собственное имя начинает обобщать, оно получает связь с понятием и превращается в нарицательное слово.

Сравним, например, географическое название *Чернобыль*, которое обозначает конкретный город, упоминаемый в летописях с 1193 года, и нарицательное слово *чернобыль* во вторичном обобщенном значении «катастрофа», «беда»; личное имя *Дон Жуан*, относящееся к известному литературному персонажу, и образованное на основе личного имени нарицательное слово *донжуан* – «искатель любовных приключений, искуситель, ловелас».

Подобных примеров в языке немало. Некоторые из них уже превратились в историзмы и забылись. Так, до революции 1917 года *катенькой* и *катеринкой* называли сторублевый кредитный билет с изображением Екатерины II.

Имена собственные не имеют обычного для нарицательных слов лексического значения, приведенного в толковых словарях, но тем не менее выступают как поистине энциклопедические факты языка, по своему содержанию связанные с самыми разными областями знаний. «Имя – стихия разумного общения живых существ в свете смысла и умной гармонии, откровение таинственных ликов и светлое познание живых энергий бытия. И нет границ жизни имени, нет меры для его могущества», – писал автор книги «Философия имени» А. Ф. Лосев.

Имена и названия часто говорят там, где молчат все другие источники. Информация, извлеченная из имен собственных, может оказаться предпочтительнее собственно исторической или археологической информации.

Занимаясь долгие годы разработками в области этнолингвистики, антропонимики, топонимики и топографии, автор этой книги убедился в том, что в системе имен собственных, существующих в той или иной местности, обычно сконцентрирован и зашифрован текст – увлекательный рассказ, имеющий своеобразный сюжет, иногда очень неожиданный и впечатляющий.

В данной книге, построенной в форме очерков, мы как раз и стремимся показать, что имена собственные, в частности, географические названия, являющиеся объектом рассмотрения, представляют собой своеобразные документы, специфические исторические памятники, имеющие значение первоисточников.

Географические названия распространялись на планете Земля по мере освоения ее человеком, поэтому своим содержанием и формой они фиксируют исторические этапы обживания тех или иных территорий.

В наиболее ранних названиях был отображен преимущественно род объекта: возвышенность называлась *Горой*, река или озеро – *Водой*, лесное пространство – *Лесом* и т. д.

В дальнейшем в топонимах помимо рода называемого объекта начали отображаться и его характеристики: *Быстрый* + *Ручей*, *Глубокая* + *Вода*, *Пологая* + *Возвышенность*, *Береза* + *Лес*, *Волк* + *Место* и т. п. Постепенно географические названия стали указывать на характер деятельности населения: *Вырубка* + *Лес*, *Поле* + *Ячмень*, *Укрепление* + *Поселение*, *Ловля рыбы* + *Озеро*.

На завершающем этапе формирования топонимии осваиваемой местности в названиях объектов стали отображаться личные имена, которые обозначали принадлежность.

При освоении территорий названия черпали из ограниченного, устоявшегося перечня. Переселенцы обычно приносили топонимы из родных мест, кроме того, перенимали обозначения, которые использовались до этого коренным населением.

На территории Беларуси с эпохи каменного века сосуществовали не только разные этносы, но и разные культуры и хозяйственные уклады.

Каждая этноязыковая группа занимала свою экологическую нишу. Жили они преимущественно мирно, поскольку были заинтересованы в результатах и продуктах хозяйствования друг друга. Взаимодействие племен и народов не ограничивалось только хозяйственной стороной и неизбежно затрагивало также культурную и языковую сферы.

В условиях долгого взаимовыгодного сосуществования складывался общий запас географических терминов и понятий. Интересно, что в идентичных или близких физико-географических условиях вырабатываются схожие и даже одинаковые принципы номинации географических объектов.

Вот почему при объяснении географических названий, которые есть на современной карте Беларуси, не всегда можно точно и определенно установить языковую принадлежность того или иного наименования, доставшегося от племен и народов, живших когда-то на нашей земле. Особенно это касается названий водных объектов (гидронимов). Корневые основы большинства из них возникли в языках, которые существовали не только многие века, но и тысячелетия тому назад.

Мы стремимся познать не только происхождение и первоначальное значение рассматриваемых названий, но и время, причины и обстоятельства их появления на карте Беларуси. В наши задачи входит и установление связи рассматриваемых топонимов с конкретными событиями, исторической эпохой, соответствующей этнической и культурной средой. Нас интересует также обусловленность географических названий мировосприятием создававших их людей.

Мы не можем рассказать обо всех названиях, ибо их – сотни тысяч. Но в книге представлена топонимия разных районов Беларуси и объяснены названия, которые не были описаны в наших предыдущих книгах. Если же мы и возвращаемся к какому-либо топонимическому факту, значит, мы увидели в нем то, о чем не было рассказано ранее.

Изучать и познавать имена собственные невозможно только в пределах лингвистики, даже понимая ее в самом широком смысле – как социолингвистику, психолингвистику и этнолингвистику. Поэтому в своих очерках мы неизбежно обращаемся к материалам различных смежных наук, прежде всего исторических, и при необходимости анализируем факты в нескольких аспектах – лингвистическом, этнологическом, историческом, географическом и мифологическом.

ИМЯ *БЕЛАЯ РУСЬ* В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Происхождением названия *Белая Русь* ученые заинтересовались еще в середине XVIII века (работы В. Н. Татищева). Однако до сих пор не найден ответ, который удовлетворил бы всех. Тайны старинных наименований редко удается раскрыть до конца. И повинны в этом не исследователи, а сами имена.

Дело в том, что каждое географическое название, особенно названия больших территорий, стран, – не просто языковой знак с дифференцирующей адресной функцией, а многогранный и неоднородный в исторической ретроспективе элемент культуры, который нельзя воспринимать статично.

Во-первых, нужно считаться с тем, что название (в данном случае – *Белая Русь*) используется на протяжении не одного определенного, хронологически ограниченного периода, а в течение нескольких столетий.

Во-вторых, соответствующее название употребляли, передавали друг другу или просто знали как реальный языковой факт различные по этноязыковой принадлежности народы.

В-третьих, важно и то, что название *Белая Русь* в разные периоды связывали с достаточно большой территорией, географическая проекция которой была относительной, в отличие, например, от точного местонахождения города, озера или реки. Границы этой «большой территории» не были политическими, государственными и даже этническими, поэтому они не могли быть неизменными, стабильными.

Нестабильность границ территории, к которой относилось название *Белая Русь*, и его различное восприятие в разные времена обусловили своеобразное путешествие имени (изменение географической проекции). Это отмечали многие исследователи, стремившиеся осознать культурно-исторические ассоциации, которые вызывало наименование *Белая Русь* у людей той или иной эпохи.

Таким образом, мы анализируем генезис названия *Белая Русь* в динамике, в «калейдоскопе» веков. При этом не будем полемизировать с другими авторами, а постараемся достичь цели посредством обобщения и синтезирования идей и фактов, которые изложены в их работах.

Из письменных источников

Когда появилось название *Белая Русь*? Прямого ответа на этот вопрос памятники письменности не дают. Но отсутствие фактов – тоже весьма существенный и красноречивый факт, позволяющий формулировать определенные выводы.

Традиционно считается, что наиболее давнее упоминание о Белой Руси есть в великопольской хронике Яна Чарнковского, писателя, коронного подканцлера (1367–1370 гг.), умершего не ранее 1384 года. В 1382 году он писал об отношениях князя Кейстута с племянником, князем Ягайло, и отметил, что более года назад по приказу Кейстута Ягайло был брошен в темницу в Полоцке, в крепости Белой Руси.

События излагаются так, что создается впечатление: современникам писателя хорошо знакомо понятие Белая Русь [1. С. 15–24]. Этот факт заставляет задуматься о более раннем существовании имени. Действительно, в конце 80-х годов XX века в белорусской печати появилось сообщение о находке ирландской латинской рукописи «Начало описания мира», датируемой примерно 1255 годом. В этом письменном памятнике есть упоминание о территории Белая Русь без уточнения ее локализации [1. С. 141–148].

Еще Е. Ф. Карский вслед за академиком В. И. Ламанским соглашался с тем, что название *Белая Русь* «древнее века Ольгердова и даже Гедиминова» и что оно существовало еще в середине XIII века [1. С. 27–30].

В этой связи не кажется фантазией сообщение В. Н. Татищева об упоминании названия *Белая Русь* под 1135 годом в так называемых Раскольницком и Ростовском манускриптах [2. С. 146, 265]. Во второй половине XII века великий князь Андрей Боголюбский, владевший Ростово-Суздальской землей, как до этого и его отец Юрий Долгорукий, назывался князем Белой Руси [3. С. 251].

Если рассматривать известия В. Н. Татищева в связи с другими фактами, станет очевидным, что здесь нет ни ошибки, ни желания локализовать *Белую Русь* в московских пределах, как это можно было бы предположить.

Внимательное изучение разных письменных памятников как будто бы дает основание согласиться с тем, что с середины XIV и по XVI век включительно под Белой Русью понимали Русь Северо-Восточную, Московскую, Ростово-Суздальскую.

Некоторые авторы отмечали, что при великом князе Иване III (1462–1505 гг.) название *Белая Русь* было внесено в титул великого князя Московского [1. С. 35–40]. Об этом же писал и Н. М. Карамзин. Но остается непонятен такой момент: считал ли Иван III Московскую Русь *Белой* или просто присоединил к своему официальному государственному титулу наименование разных частей «всея Руси» (после 5 февраля 1494 года, когда великий князь Литовский Александр Казимирович признал за Иваном III титул «государя всея Руси») и совсем не отождествлял Белую и Московскую (Великую) Русь?

В. Н. Татищев видел в обозначении *Белая Русь* в титуле «Царь всея Великия и Малыя и Белыя Руси» восточное, татарское, влияние («татаре и доднесь русских государей акпадышага, то есть белый император, имянуют...») [4. С. 110].

Однако иные факты свидетельствуют, что в XV–XVI веках названия *Белая* и *Великая Русь* были синонимами.

Например, в 1413 году магистр Ливонского ордена писал великому магистру в Пруссию о том, что великий князь Литовский Витовт сговорился против них со Псковом, Новгородом и Великой Русью. В свою очередь великий магистр передал это сообщение чешскому королю, отмечая, что Витовт заключил союз со Псковом, Великим Новгородом и со всем русским народом, следовательно, придется воевать с Белой Русью [1. С. 40–66].

Итальянец Фра-Мауро на карте 1459 года обозначил названием *Белая Русь* территорию Московско-Новгородской Руси.

А. А. Потебня цитирует автора XVI века А. Гвагнини, писавшего, что «Русь под князем Московским Белой Русью названа, а та, которая принадлежала Польше, – Чёрной» [1. С. 25–26].

Польский хронист Матей Стрыйковский считал правителя Московского княжества Ивана Даниловича Калиту «князем белорусским» [1. С. 101–106]. Д. Анучин, анализируя ряд печатных карт XV–XVI веков, обратил внимание на то, что на карте Средней Европы, составленной кардиналом Николаем Кузаном в 1460 году, к востоку от Днепра обозначена Белая Русь, иначе – Московия (на карте отмечено: «Белая Русь, или Московия»; карта, кстати, была издана лишь через 31 год после составления, в 1491 году).

На карте Московского государства 1548 года итальянского картографа Якова Гастальди названием *Белая Русь* отмечены территории, которые простирались далеко на север от границ нынешней Беларуси [1. С. 31–34].

Белорусский исследователь Я. А. Юхо отрицал соотнесение названия *Белая Русь* с территорией нынешней Беларуси до конца XVII века [1. С. 87–101]. На наш взгляд, с таким выводом следует в основном согласиться. Однако изредка во второй половине и все чаще к концу XVII века на картах, главным образом польских, *Белой Русью* назывались территории между Полоцком и Смоленском (карты Польши Боплана 1651 года и Алларда конца XVII века, с последней в 1708 году было сделано русское издание).

В 1620 году рижский ратман Бенедикт XI, записывая места, откуда приехали купцы, отметил Витебск и Полоцк как города Белой Руси [1. С. 163–167]. В 1635 году могилевский епископ П. Могила сделал запись, в соответствии с которой «белорусские края – это те, что принадлежат епископиям Мстиславльской, Оршанской и Могилёвской» [5. С. 57].

В 1766 году в «Географическом словаре» Х. Карпинского, изданном на польском языке в Вильно, было отмечено: «Белая Русь включает воеводства Мстиславльское, Полоцкое, Витебское и Смоленское» [6. С. 406].

В 1772 году в издании «Древняя Польша» (на польском языке) сообщалось: «Воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславльское и часть Минского называются Беларусью» [6. С. 406–407]. В «Новом и полном Словаре Российского государства, или Лексиконе...», изданном в 1788–1789 годах, под Белой Русью подразумевались Смоленское, Мстиславльское, Витебское и Полоцкое княжества с их уездами.

В конце XVIII – первой половине XIX века Белой Русью считали Витебскую и Могилёвскую, иногда и Минскую губернии. После 1840 года название *Белая Русь* в официальных документах не употреблялось (действовал запрет императора Николая I; указом от 18 июля 1840 года было запрещено использовать и название *Литва* в отношении Гродненской и Виленской губерний).

В начале XX века *Белой Русью* назывались целиком Минская и Могилёвская губернии, шесть уездов Виленской губернии (Ошмянский, Вилейский, Виленский, Дисненский, Лидский, Свентянский), семь уездов Витебской губернии (Витебский, Велижский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Невельский, Полоцкий) и пять уездов Гродненской губернии (Гродненский, Волковысский, Пружанский, Слонимский,

Сокольский). А в конце XIX века «Живописная Россия» еще называла Гродненскую, всю Виленскую, а также Ковенскую губернии *Литовским Полесьем* [7. С. 12 и след.].

Таким образом, приведенные факты не только не дают возможности определить более или менее точное время появления названия *Белая Русь*, но и задают новые загадки. В частности, нам необходимо выяснить причины двух локализаций этого имени. Почему оно сначала связывалось, во-первых, с Московией в XII–XVI веках, а во-вторых – с исторической территорией Полоцкого государства и даже шире – с древними кривичскими землями с конца XVII и до середины XIX веков? Не получив ответа на второй вопрос, не найти правильного решения первого.

Пока мы выяснили только одно: название *Белая Русь* очень давнее, истоков его не знали даже авторы XIV века, употреблявшие его в своих сочинениях, а порой и в стихотворениях. Имеются в виду поэтические произведения южнонемецкого поэта Петера Зухенвирта, который жил в Вене в конце XIV – начале XV веков и писал о приключениях рыцарей в различных странах, в том числе в Пруссии и Ливонии, где они сражались с Литвой и Русью.